Он бросил сладкую, невинную улыбку на своего мёртвого муженька и спросил: Ты же раньше говорил, что был неправ? В чём именно ты ошибался?

Я не должен был говорить маме, чтобы ты стал моей женой! — Мёртвый муженек отличался мягкостью костей и сразу смирялся от любой трепки.

Правда? — Линь Хуань не поверил. — Думаешь, твоя матушка стала бы тебя слушать? Хватит шутить, ты всего лишь незаконнорожденный сын семьи Цзян, неужели госпожа Цзян стала бы тратить на тебя такие огромные ресурсы?

Хотя те днюющие и ночующие дяди и дюжие родственники оригинала были порой хуже нелюдей, они всё же не стали бы выбрасывать его просто так, по первому встречному требованию.

Оригинал обладал привлекательной внешностью, а его дяди прекрасно понимали толк в торговле — они заранее понятия не имели, сколько раз взвешивали его ценность, и если бы выгода, предложенная посторонними, не дотягивала до их психологических ожиданий, они бы ни за что не разжали рты и не дали согласия.

Линь Хуань принялся избивать его еще усерднее: Быстро говори, с какой стати вашей семье понадобилось непременно выдать меня замуж именно за тебя?

У-у-у, я не знаю! Мама спросила меня, хочу ли я, чтобы ты стал моей женой, а раз ты такой красивый, я, конечно, согласился! А что было потом, ты и сам знаешь. — Мёртвый муженек ревел во весь голос.

Он действительно ничего не знал.

Он знал лишь то, что у него должна появиться красивая жена.

Никчемный кусок мусора! — Видя, что тот вроде бы не лжет, Линь Хуань разозлился и добавил еще одну порцию побоев.

Мёртвый муженек лежал на земле, у-у-якая и прикрывая голову руками, не смея сопротивляться.

Линь Хуань поднялся на ноги, поправил криво сидевший на голове головной убор, разгладил свадебный наряд, повернулся к Янь Суюэ и с улыбкой произнес: Извините, вы стали свидетелем столь нелепой сцены.

Янь Суюэ улыбнулся: Ничего страшного.

Довольно мило.

Янь Суюэ стоял там с улыбкой, чистый и светлый, словно дуновение ветерка при ясном лунном свете, похожий на изящный, изысканный свиток, написанный тушью. Линь Хуань на мгновение опешил, залюбовавшись им про себя, а спустя мгновение спросил: Зачем ты сюда пришел? Пожаловал на свадебный пир или в этом особняке есть что-то ценное?

Он слегка отступил в сторону и пихнул мёртвого муженька подальше.

Янь Суюэ принял его проверку на прочность и с улыбкой ответил: Я пришел за тобой.

За мной? — В сердце Линь Хуаня шевельнулся испуг, но на лице его заиграла еще более сладкая и безобидная улыбка, а голос, словно сдобренный медом, прозвучал мягко и нежно: Зачем это я тебе понадобился?

Чтобы ты поклонялся мне и приносил подношения. — Янь Суюэ терпеливо стоял на этом месте, ведь с самого начала его целью было только это.

До достижения своей цели он был готов поболтать с этим не сказать чтобы неприятным маленьким верующим.

Подумать только, в былые времена разве нуждался он в том, чтобы лично выступать вперед ради привлечения верующих? Ему стоило лишь появиться, как мириады верующих сами собой устремлялись под его покровительство.

Янь Суюэ едва слышно вздохнул.

Услышав это, Линь Хуань моргнул и повернулся к главной стене: в самом ее центре располагался семейный храм предков, а под ним стоял восьмиугольный стол, уставленный красными свечами, жертвенными дарами и двумя табличками с именами предков.

На одной из табличек было высечено: Дух покойного мужа Цзян Шишаня, августейшего владыки-супруга, а вторая оказалась совершенно пустой.

Цзян Шишань и был тем самым мёртвым муженьком, которого он только что зверски избил. А вторая пустая табличка, судя по всему, предназначалась ему.

До чего же они были уверены в его скорой смерти?

Ого, вот оно что, — Линь Хуань сладко улыбнулся, склонил голову набок и с любопытством спросил: А какая мне польза от того, что я буду тебе поклоняться?

Этот прекрасный демон-призрак перед ним явно не сулил ничего хорошего.

Судя по воспоминаниям оригинала, те, кто вот так заявлялся на порог в поисках поклонения, в большинстве своем оказывались злыми богами, принимавшими обличье демонов и духов.

Если он согласится, но в один прекрасный день не сможет удовлетворить желания этого существа, то тот разорвет и сожрет его божественную душу.

Но если он откажется, разве этот гад не разорвет и не сожрет его божественную душу прямо сейчас?

Что за собачий мир: едва вырвался из пасти призрака, как тут же угодил под угрозы демона-призрака. Почему же сохранить себе жизнь оказывается так чертовски сложно?

В глубине души Линь Хуань отчаянно ругался, зато на лице его расцветала все более сладкая и милая улыбка.

Я защищу твой покой. — Янь Суюэ дал собственное обещание.

Братцы-братцы, раз ты такой красивый, дай мне еще капельку своего благословения! — Линь Хуань шагнул вперед, большим и указательным пальцами ухватился за край его рукава и слегка покачал его, а затем поднял правую руку, прижав большой палец к кончику мизинца, и сладко произвел: У меня всего лишь одно малюсенькое условие, хорошо?

Янь Суюэ уставился на руку маленького верующего, сжимавшую край его одежды, затем поднял взгляд на лицо, которое улыбалось ему так угодливо и сладко. Он взмахнул рукавом, высвобождая его из пальцев Линь Хуаня, отступил на шаг назад и со значением улыбнулся: Смелости тебе не занимать.

Линь Хуань спрятал руки в широких рукавах свадебного наряда и с виноватой улыбкой произнес: Да так, ничего особенного… Ну так что, прекрасный братец, ты согласен?

Идет. — Раз уж это был самый первый верующий, которого он развил собственными силами, он не возражал против того, чтобы эта малышка разинула рот пошире.

Линь Хуань мысленно с облегчением выдохнул и пошевелил рукавами, украдкой вытирая вспотевшие ладони о нижнюю одежду.

Он сделал ставку и выиграл.

Раз у собеседника были свои нужды, значит, он мог выдвигать условия.

Но когда дело дошло до реальных требований, Линь Хуань слегка засомневался.

Он понятия не имел, чем именно так выделяется, раз этот демон-призрак обратил на него внимание. Если он выдвинет условия, превышающие ценность его собственного существования, что делать, если демон-призрак передумает и взбесится?

Украдкой бросив взгляд на выражение лица прекрасного демона-призрака, он осторожно проговорил: Прекрасный братец, ты не должен убивать меня никаким способом и никакими средствами, забирать мою душу, а взамен обязан помочь мне обрести способность защитить себя сам.

Услышав, как маленький верующий заговорил о душе, Янь Суюэ внезапно сообразил, что тот принял его за злое создание. Испытав нечто вроде комичного недоумения, он не удержался от того, чтобы снова одарить парня пристальным взглядом, и с ноткой изумления в голосе произнес: У тебя и вправду невероятно смелая душа.

Когда верующие обращаются с молитвами к Истинному Божеству и выставляют слишком чрезмерные требования, то Истинное Божество обычно не слишком сердится, ограничиваясь лишь легким наказанием для вразумления. Именно поэтому, когда маленький верующий ранее торговался с ним, он лишь усмехнулся его дерзости — в конце концов, подобные верующие не были редкостью.

Однако тот факт, что маленький верующий осмелился выдвигать условия даже в предположении, что перед ним злое божество, заставил его взглянуть на парня совершенно иначе.

Хотя внешне тот не отличался особой мужественностью, в поступках проявил себя как настоящий человек с характером.

Хе-хе, у меня на самом деле очень маленькая смелость. Прекрасный братец, не пойми меня неправильно, просто я подумал, что раз братец такой красивый, то и сердце у него наверняка мягкое. — Линь Хуань прятал руки за рукавами, с застенчивой и угодливой улыбкой переминаясь с ноги на ногу.

Янь Суюэ оставил это бездоказательным и лишь заметил: Ты назвал целых два условия.

Братцы-братцы, это же одно условие! То, что было вначале — это просто дополнение к твоей защите моего покоя, а вот то, что шло следом — это и есть мое единственное условие. — Заметив, что Янь Суюэ не сердится, Линь Хуань осмелел еще больше.

Янь Суюэ бросил на него взгляд, но придираться к таким хитростям не стал и кивнул: Идет.

Немного поразмыслив и убедившись, что его жизнь вне опасности, Линь Хуань почувствовал,

что на его лице появилась более искренняя улыбка.

Он подошел к восьмиугольному столу, положил табличку Цзян Шишаня плашмя, взял в руки чистую табличку и спросил: Какое имя у тебя, божественный владыка? Что мне следует на ней вырезать.

http://bllate.org/book/32175/3927310